

РЕЦЕПЦИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО ПРАВА В ФОРМИРОВАНИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ОСНОВ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ*

Туманова Анастасия Сергеевна,
профессор кафедры теории права и сравнительного правоведения,
ведущий научный сотрудник Центра исследований гражданского общества
и некоммерческого сектора Государственного университета — Высшей школы экономики,
доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор
119017, г. Москва, ул. Малая Ордынка, д. 17 (ГУ — ВШЭ, факультет права)

В обществоведческой теории XX в. общественные организации признаются «институциональным стержнем гражданского общества»¹, «первоосновой для развития начал самоуправления и демократии, достижения прогресса во всех сторонах общественной жизни»². В странах Западной Европы и в Российской империи добровольные ассоциации в сфере науки и техники, литературы и искусства, просвещения и здравоохранения, благотворительности и взаимопомощи выступали анти-тезой феодально-сословному строю с характерными для него иерархическими корпоративными институтами, основанными на принципе принудительного участия.

Образование добровольных обществ символизировало зарождение нового типа организации социума, ориентированного на самофинансирование, выборность, принятие совместных решений в ходе демократического их обсуждения, равенство возможностей, ротацию должностей. Для самодержавного правления, привыкшего к осуществлению контроля над всеми сферами жизни общества, они были конкурентом, оспаривавшим его монопольное право на выражение интересов населения. В то же время нацеленность ассоциаций на решение конкретных практических задач и вера их активистов в возможности эволюционного пути преобразования российской жизни формировали в них способность к компромиссу и взаимодействию с государственными структурами.

Модернизация общественных институтов в России отставала от аналогичного процесса, происходившего в странах Западной Европы и Америки, осуществлялась с опорой на западный опыт. Так, в западных странах институты гражданского общества активно развивались в

эпоху Просвещения. К началу XIX в. общественные организации самого разного плана являлись неотъемлемой частью социокультурного облика Америки. Это констатировал А. де Токвиль, путешествовавший по Америке в 30-е годы: «Американцы всех возрастов и любых склонностей постоянно участвуют в каких-либо обществах. Это не только объединения коммерческого или производственного характера... но и тысяча других разновидностей: религиозно-нравственные общества, объединения серьезные и пустяковые, общедоступные и замкнутые, многолюдные и насчитывающие всего несколько человек. Они, наряду с учреждениями местного самоуправления, защищают граждан как от центрального правительства, так и от эксцессов преобладания частного интереса»³.

В России в первые шестьдесят лет XIX в. общественных организаций было немного — около ста, причем подавляющая их часть действовала в Москве, С.-Петербурге и прибалтийских губерниях. Бум общественной самодеятельности пришелся на начало XX в. В период первой русской революции более тысячи обществ образовывалось ежегодно. В 1912 г. в одной только Москве насчитывалось более шестисот различных ассоциаций, около пятисот обществ действовало в С.-Петербурге⁴, до сотни и немногим более сотни обществ (семьдесят — в Тамбове, сто — в Казани и т.д.)⁵ — в провинциальных городах. Для сравнения: в Мюнхене в середине XIX в. существовало 150, к началу XX в. 3000 объединений, в Австрии в 1856 г. — 2234, в 1910 г. — 85 000 объединений⁶.

Большинство разновидностей общественных организаций, действовавших в дореволюционной России,

* Статья подготовлена в рамках проекта фундаментальных научных исследований ГУ — ВШЭ в 2010 г. «Партнерство гражданского общества и государства в решении социальных проблем»

¹ Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere. Cambridge, 1989.

² Токвиль А. Демократия в Америке. М., 1992. С. 381.

³ Токвиль А. Демократия в Америке. С. 378.

⁴ Бредли Дж. Общественные организации и развитие гражданского общества в дореволюционной России // Общественные науки и современность. 1994. № 5. С. 79; Он же. Добровольные общества в советской России. 1917–1932 гг. // Вестник Московского университета. 1994. Сер. 8; История. № 4. С. 35.

⁵ Туманова А.С. Общественные организации города Тамбова на рубеже XIX–XX веков. Тамбов, 1999. С. 151–154; Зорин А.Н., Клошина Е.В. Общественные организации городов Поволжья // Очерки городского быта дореволюционного Поволжья. Ульяновск, 2000. С. 416.

⁶ Хэфнер Л. «Храм праздности»: ассоциации и клубы городских элит в России (На материалах Казани. 1860–1914 гг.) // Очерки городского быта дореволюционного Поволжья / А.Н. Зорин, Н.В. Зорин, А.П. Каплуновский и др. Ульяновск, 2000. С. 481.

зародилось на Западе. Так, одним из основных элементов развлекательной культуры и одновременно очагом зарождения образованного интеллигентного общества в России являлись клубы. Клубная культура, возникшая в России в конце XVIII в., была чрезвычайно развита в Англии. Еще в начале XVIII в. там существовали клубы, ориентированные на все вкусы, включая самые экстравагантные (Общество по процеживанию желе, Клуб городских острологов, Макаронный клуб, Клуб по защите билля о правах, Грандиозное общество бифштексов, Орден самцов, Клуб уродов и др.). Первые клубы возникли в среде живших в Петербурге иностранцев⁷.

Общества распространения народных чтений и библиотек, в буквальном смысле усеявшие территорию Российской империи в 90-х годах XIX в. и внесшие существенный вклад в демократизацию системы образования и формирование литературных вкусов читающей публики, также «перекочевали» в Россию из культурной Европы. Их предшественниками являлись читательские общества, получившие широкое распространение в конце XVIII в. и сыгравшие значимую роль в культурной революции эпохи Просвещения⁸.

На научную жизнь европейских стран в первой половине XIX столетия существенное влияние оказывали национальные съезды ученых разного профиля — медиков, инженеров, деятелей статистики, юристов, археологов и этнографов. Начиная с последней трети XIX в. ученые съезды стали созываться в России. Эти примеры можно продолжать.

Сложившийся в странах Западной Европы режим правовой регламентации деятельности общественных организаций принимался во внимание при разработке российских законов, регулировавших образование и деятельность обществ и союзов. Общественные организации рассматривались как обретавшие свою жизнь от государства. Незаконными признавались ассоциации, не получившие прямого разрешения государственной власти на свое существование.

В XVII—XVIII вв. в связи с развитием идеологии и практики полицейского государства, важным постулатом которого являлся принцип, что счастья можно достичь только благодаря тотальной регламентации всего и вся и что только государь мог знать, что является для отдельного индивида и для государства в целом позитивным, а что негативным⁹, появились дальнейшие ограничения свободы образования общественных организаций. Правительственным чиновникам предоставлялось право воспрещать всякие ассоциации

посредством административных распоряжений. В законодательстве устанавливались запреты для объединений, цели которых были направлены против общественного спокойствия, порядка и безопасности, а также для тайных обществ.

В России разрешительный (концессионный) режим создания общественных организаций был закреплен Уставом благочиния (полицейским) Екатерины II от 8 апреля 1782 г., запрещавшим «зачинать общество, товарищество, братство... без ведома и согласия Управы благочиния (высшего органа полицейского надзора в городах. — *А.Т.*)». Статья 64 Устава благочиния, гласившая, что «Управа благочиния законом утвержденное общество, товарищество, братство... охраняет в своей законной силе», вплоть до начала XX в. оставалась единственной общей законодательной нормой, дававшей возможность для образования общественных организаций (при составлении во второй четверти XIX столетия Свода законов она была лишь несущественно видоизменена — словосочетание «управа благочиния» заменялось на «полицию»). В зависимости от порядка своего образования выделялись общества дозволенные (утвержденные). Их уставы утверждались императрицей и обретали силу закона, а сами общества охранялись полицией. Существовали общества тайные с уставами, не известными правительству, по отношению к которым устанавливался целый комплекс строгих запретительных правовых норм, открывавших широкий простор для вторжения в их дела полиции. Управа благочиния была обязана запрещать и уничтожать подобные общества, а учредителей «как ослушников, брать под стражу и отдавать под суд»¹⁰.

Правительства европейских стран начинали задумываться над созданием законодательных основ для развития действовавших там обществ и союзов, как правило, под впечатлением развивавшегося революционного процесса. Закрепление свободы союзов во французском праве явилось завоеванием революции 1848 г. Принятая 4 ноября 1848 г., после Февральской революции, Конституция Второй республики провозгласила право граждан составлять союзы и собираться «мирным путем и без оружия»¹¹. Обретенная тогда французами свобода объединяться в общественные организации вскоре была ограничена. Согласно законодательным актам конца 1840-х — начала 1850-х годов, действовавшим вплоть до начала XX в., объединения, число членов которых было более двадцати, должны были в обязательном порядке получить предварительное разрешение правительства. Запрещались действия политических союзов и клубов¹².

⁷ Завьялова Л.В. Петербургский Английский клуб. 1770—1918 : Очерки истории. СПб., 2005. С. 7—8.

⁸ Как отмечает Р. Шартъе, «читательские общества и клубы были активными участниками трех важнейших процессов века Просвещения: они способствовали развитию демократических форм общения, ибо их решения принимались на основе голосования и без учета сословного статуса членов клуба; они являлись важным инструментом цивилизации, поскольку их уставы строго регламентировали нормы поведения; наконец, они способствовали созданию нового интеллектуального и социального публичного пространства, где частные лица могли в стороне от властей совместно обсуждать государственные дела и деяния монархов» (Шартъе Р. Книги, читатели, чтение // Мир Просвещения. Исторический словарь / под ред. В. Ферроне и Д. Роша. М., 2003. С. 300—301).

⁹ История государственно-правовых учений / отв. ред. В.В. Лазарев. М., 2006. С. 364.

¹⁰ ПСЗ-И. Т. 21. № 15379.

¹¹ Всемирная история / отв. ред. Н.А. Смирнова. М., 1959. Т. VI. С. 335 ; История государства и права зарубежных стран. 3-е изд. Т. 2 / отв. ред. Н.А. Крашенинникова. М., 2006. С. 204—205.

¹² Дерюжинский В.Ф. Полицейское право : пособие для студентов. СПб., 1908. С. 75—77. См. также: Bradley J. Subjects into Citizens: Societies, Civil Society, and Autocracy in Tsarist Russia // American Historical Review. Vol. 107. № 4. October 2002. P. 1098—1101.

Россия не стала исключением из общих правил. Первым и единственным в дореволюционный период правовым актом, закрепившим принцип свободы союзов, явились изданные в разгар первой русской революции «Временные правила об обществах и союзах» 4 марта 1906 г. В них были собраны воедино, систематизированы и модернизированы с учетом европейского опыта и российских реалий существующие в отечественном законодательстве юридические нормы, касавшиеся общественных организаций, созданы правовые гарантии для закономерной деятельности последних.

Составители «Временных правил» 1906 г. анализировали аналогичные законы Англии, Германии, Франции, где свобода союзов была признана на законодательном уровне. Ими использовались также труды западных юристов — немцев Г. Мейера и Л. фон Штейна, швейцарца И.К. Блюнчли.

Участовавший в разработке закона об общественных организациях профессор административного права Петербургского университета В.Ф. Дерюжинский был специально командирован во Францию и в Германию для ознакомления с существовавшей там практикой регламентации деятельности обществ и союзов. Дерюжинский высоко оценил законодательство о союзах этих стран, построенное, по его словам, «на четких принципах», а также практику его применения, «основанную на уважении к праву и закону». Высказываясь за заимствование европейского опыта, он утверждал, что только в законности и воспитании уважения к ней ему видится единственное надежное средство для обеспечения авторитета власти у населения и вывода России из того острого кризиса, который ей приходилось переживать¹³.

Между тем однозначного ответа на вопрос, опыт какой европейской страны должен был служить эталоном для российского законодательства о союзах, не давалось. Рядом ученых (М.М. Ковалевский, С.А. Котляревский и др.) наиболее прогрессивной признавалась английская правовая традиция обеспечения свободы союзов. Право образовывать ассоциации считалось в Англии одним из проявлений личной свободы и не подлежало специальной регламентации. Как указывают современные авторы, подчеркивая бесспорные достижения английских добровольных ассоциаций и культуры самоорганизации: «Английское общество было создано благодаря участию простых граждан; его лучшие институты — это результаты усилий либо частных лиц, либо народа, объединившегося для достижения общей цели»¹⁴.

Другая группа отечественных правоведов начала XX в., напротив, считала нормы английского права, являвшиеся продуктом многовекового исторического процесса, уважения органов исполнительной власти к закону, осознания ими своей ответственности перед судом наименее подходящими для заимствования Россией. Такую точку зрения высказывал, к примеру, петербургский профессор права В.Г. Матвеев.

По его убеждению, такие публично-правовые институты, как общества и союзы, были настолько тесно связаны с политической жизнью страны, что та или иная их постановка в большей степени зависела «не от буквы закона, а от общих политических условий». Россия, на его взгляд, развивалась в ином, чем страны Западной Европы, правовом поле: власть исполнительная фактически оказывалась здесь не только независимой от власти судебной, но вообще играла доминирующую роль, а административные органы больше обнаруживали склонности руководствоваться видами правительства, чем велениями закона¹⁵. По мнению Матвеева, более полезным для российских законодателей было знакомство с германским и французским опытом регламентации деятельности обществ и союзов.

В Германии свобода союзов была установлена законодательным путем в 1849 г., Франкфуртской имперской конституцией, а затем и конституциями отдельных германских государств. Они признали право подданных образовывать союзы без предварительного разрешения правительства. Франкфуртская конституция 1849 г. объявила свободу союзов основным правом германского народа. После ее издания следовали ограничения в отношении союзов, преследовавших общественные и политические интересы. Общественными интересами признавались интересы, которые касались общественного строя и улучшения положения различных социальных слоев (рабочих, врачей и др.). Политическими интересами считались интересы, которые касались государства, его законодательства и управления, взаимоотношений с подданными. Согласно закону 1854 г. во всех германских союзных государствах могли быть терпимы только такие союзы, которые были в состоянии доказать, что их цели совместимы с имперским и земским законодательством и не угрожают общественному порядку и безопасности.

Разрозненные законодательные положения о союзах отдельных немецких государств были объединены общегерманским законом, изданным 19 апреля 1908 г., названным в народе «исключительным законом против молодежи», поскольку он запрещал лицам до 18 лет участвовать в политических союзах. Этот акт признал за всеми германскими подданными право образовывать общественные организации без предварительного разрешения правительства. В то же время германское законодательство подвергало особой регламентации действия ассоциаций политической направленности: от них требовалась заявка на учреждение, их уставы и списки членов сообщались администрации, женщинам и учащимся запрещалось входить в их состав и принимать участие в заседаниях и т.д.

Во Франции свобода союзов была установлена законом об ассоциациях и религиозных конгрегациях от 1 июля 1901 г. Он отменил прежнее достаточно строгое законодательство об ассоциациях, требовавшее разрешения на их создание и предусматривавшее закрытие их правительством без указания мотивов и права

¹³ Записка проф. В.Ф. Дерюжинского, командированного за границу для изучения некоторых вопросов по охранению в западноевропейских государствах порядка и спокойствия // Материалы по пересмотру установленных для охраны государственного порядка исключительных законоположений. СПб., 1905. С. 37–38; Интервью В.Ф. Дерюжинского газете «Биржевые ведомости» // Биржевые ведомости. 1905. 10 сентября. Утр. вып.

¹⁴ Scruton R. England can Elegy. London, 2001. P. 57.

¹⁵ Право союзов и собраний (Вступительная лекция к специальному курсу, прочитанная в С.-Петербургском университете 25-го октября 1908 г.) // Право. 1908. № 47. Стб. 2583–2586.

обжалования. По новому закону союзы могли создаваться свободно, без особого разрешения правительства и даже без предварительного заявления. Подача заявления признавалась необходимой для союзов, желающих обладать юридической правоспособностью. Предварительное разрешение требовалось для так называемых общественно-полезных объединений, наделавшихся более широкими правами¹⁶.

Делая экскурс в историю борьбы за права и свободы граждан в Западной Европе, российские правоведы указывали на относительно запоздалое появление норм, устанавливавших свободу союзов, в законодательстве Франции и Германии. В недоверии к союзам правительств этих стран они усматривали рецидивы авторитарного правления, присущих ему диктата государства, пассивности общества, неразвитости правосознания населения и правящих элит¹⁷.

Причины предвзятого отношения государства к общественным формированиям выводились из сходства юридической природы государства и союзов, предшествовавших государству, которое впоследствии брало на себя их функции, поддерживавших деятельность государства и заменявших его в периоды слабого развития государственности, свидетельством чему явилось широкое развитие корпоративной жизни в Средние века. По утверждению авторитетного представителя немецкого государственного права Г. Еллинека, тезис о борьбе общества с государством доказал применительно к союзам свою справедливость, поскольку здесь одна организация сталкивалась с другой¹⁸.

Диалектическую взаимозависимость между государством и общественными организациями проводил С.А. Котляревский. Он утверждал, что государство, будучи само социальной организацией и своеобразным союзом, «подготавливает навыки, полезные и даже необходимые для развития... многочисленных союзов», такие как способность к самоорганизации и дисциплине, а союзы «фактически ограничивают единовластие государства», «отнимают у него часть влияния и повиновения». «Нельзя служить двум господам — между ними должна идти борьба за власть, за веками накопленные склонности автоматического повиновения»¹⁹.

Признавая модель взаимоотношений государства и общественных организаций, сложившуюся в условиях авторитарного политического режима, неприемлемой, российские правоведы видели свою задачу в выработке новых принципов этих отношений, полнее соответствующих идеалам правового государства. Воспроизведем основные положения

государственно-правовой концепции. Правоведы считали, что правительственная политика, построенная на опеке над обществом, потеряла смысл. Следует предоставить общественным силам широкий простор для их проявления в тех областях, в которых их деятельность была наиболее перспективна. Основным принципом государственной политики должно было стать содействие развитию общественных организаций, признание за населением права свободного их образования и создание гарантий для его всестороннего осуществления, а также строгое соблюдение государством обязательства о невторжении в заповедную область гражданской свободы²⁰.

Выводилась следующая формула отношения государства к общественным образованиям: «Не стесняя их образования и деятельности... не отказываться от известного контроля над ними... который обеспечивал бы возможность предупреждения и преследования опасных для общественного порядка проявлений их деятельности»²¹. Однако контроль ни при каких условиях не должен был, по их мнению, превращаться в опеку — признак ярко выраженного недоверия власти к общественным силам.

Формула разумного компромисса государственно-общественного интересов была предложена профессором римского права Московского университета В.М. Хвостовым. Правовед рекомендовал, во-первых, создать гарантии для рассмотрения дел об общественных организациях на основании норм права, а не произвольного усмотрения администрации. Такими гарантиями должны были служить точные и ясные формулировки закона, не оставлявшие возможности для свободного его толкования, передача функций надзора за общественными организациями в компетенцию независимого суда, призванного руководствоваться в своих решениях законом. Во-вторых, им предлагалось установить явный порядок образования союзов; в-третьих, осуществлять меры принуждения по отношению к общественным организациям только в случае «обнаружения в их деятельности обозначенных в законе преступных целей»²².

Близкие В.М. Хвостову принципы государственной политики по отношению к общественным организациям были сформулированы либеральным юристом, криминалистом В.Д. Набоковым. Набоков предлагал создавать общества и союзы без разрешения администрации, установить четкие законодательные границы, в которых общественная самостоятельность не допускалась, и наконец, предоставить право закрытия обществ

¹⁶ Обзор законодательства о союзах Франции и Германии проведен на основании работ А.И. Елистратова (Свобода собраний и союзов в Западной Европе (Исторический очерк) // Мир Божий. 1905. Июль. С. 2–16), В.М. Гессена (Очерк административного права. СПб., 1903. С. 88–93), В.В. Ивановского (Учебник административного права. Казань, 1907. С. 213–215), Н.Н. Белявского (Полицейское право. Юрьев, 1910. С. 101), В.Ф. Дерюжинского (Полицейское право. СПб., 1911. С. 62–97).

¹⁷ Административное право. Лекции А.И. Елистратова. М., 1911. С. 148–149; Дживелегов А.К. Конституция и гражданская свобода // Конституционное государство. СПб., 1905. С. 70–71; Дерюжинский В.Ф. Полицейское право. СПб., 1911. С. 61–62; Алексеев П. Десятилетие закона об обществах. СПб., 1916. С. 2–3.

¹⁸ Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 1908. С. 75–77. Наряду с общественными организациями в современном смысле этого слова Еллинек относил к союзам все социальные организации, порожденные экономическим, духовным, этическим и религиозным общением — семью, церковь, экономические предприятия и др.

¹⁹ Котляревский С.А. Конституционное государство. Опыт политико-морфологического обзора. СПб., 1907. С. 22–23, 95.

²⁰ См. об этом более подробно: Туманова А.С. Деятельность Министерства внутренних дел Российской империи по осуществлению свободы союзов. Тамбов, 2003. С. 30, 31.

²¹ Дерюжинский В.Ф. Полицейское право. СПб., 1911. С. 61–62.

²² Хвостов В.М. Свобода союзов и собраний // Московский еженедельник. 1906. № 1. С. 11.

и союзов только независимому и беспристрастному суду²³.

В разрабатывавшемся в начале XX в. российском законодательстве об общественных организациях образовании обществ и союзов было обставлено множеством ограничений, создававших возможности для произвола административной власти²⁴. Противоречия в тексте «Временных правил об обществах и союзах» 4 марта 1906 г. обратили на себя внимание правоведов, признавших главную новеллу указанного правового акта — замену концессионного (разрешительного) порядка образования обществ явочным — декларацией, имевшей мало общего с реальным положением дел. «Явочный порядок превращается в концессионный, если заявление может встретить «отказ в удовлетворении», а устав — отказ в регистрации», — указывали на двусмысленность «Временных правил» юристы²⁵.

Сравнение с ситуацией в Европе было также не в пользу России. Отмечалось, что во всем современном западноевропейском праве, за исключением австрийского, учреждениям, принимающим решение об открытии обществ, не предоставлялась возможность отказывать в регистрации. Власти имели право лишь на последующее закрытие общества в случае противозаконного характера его действий. Судебный порядок, как дающий наибольшие гарантии соблюдения прав граждан, был принят в Англии, Франции, Италии, Испании, Бельгии и признавался в ученой среде наиболее желательным для России²⁶.

Критические нападки российских ученых, общественных и политических деятелей начала XX в. на отечественное законодательство об общественных организациях были вызваны прежде всего тем, что оно не дотягивало до стандарта правового регулирования деятельности обществ и союзов, сложившегося к изучаемому времени в передовых европейских странах. Очевидно, что представители ученой и политической элиты того времени всерьез рассматривали возможность создания в России гражданского общества по типу и подобию западноевропейского. Между тем ограничение предмета заимствования лишь передовыми странами, недостаточное внимание к издержкам демократического развития, а также недостаточно глубокое понимание специфики российской правовой традиции и политической культуры препятствовали

созданию специфической российской национальной модели правового государства и гражданского общества.

Ограниченность российской «свободы союзов» объяснялась целым рядом причин. В дореволюционной России отсутствовали многие предпосылки, стимулировавшие развитие гражданского общества на Западе. Так, здесь не было развитого в понимании западного человека среднего класса, являвшегося в европейских странах носителем идей буржуазной ответственности. Российская политико-правовая жизнь не основывалась на примате гражданских прав, уважении к закону, к неприкосновенности личности и частной собственности, ответственности администрации перед судом.

Слабость среднего класса и отсталость политической жизни компенсировались всемогуществом государства и бюрократии, которые выступали в России проводниками модернизационных идей. В этом заключалась одновременно сила и слабость российской модернизации. С одной стороны, наличие твердой и авторитетной в глазах народа государственной власти придавало модернизационному процессу контролируемый характер, а с другой — тормозило его, делало его до крайности противоречивым, порождало диспропорции российской модернизации.

Вместо характерного для стран Запада органического развития общественных организаций «снизу» в России они насаждались и жестко регулировались «сверху», государственными структурами. Стремление царизма к сохранению патерналистского отношения к обществам и союзам не позволяло ему обрести в их лице действенного партнера. Приоритет патерналистских методов управления перед правовыми сдерживал развитие гражданского общества, приводил к конфронтации власти и общественности, искажал вектор модернизационного процесса, обуславливая в конечном итоге его протекание по наиболее радикальному варианту и сползание страны в революцию.

Перечисленные факторы препятствовали складыванию в России европейских образцов гражданского общества, существенно затруднили и замедлили процесс его формирования, так и не завершившийся в дореволюционный период и прерванный в советское время.

²³ Набоков В.Д. Законопроект об обществах и собраниях. Выдержки из газеты «День» // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1284. Оп. 187. 1905. Д. 61 (г). Л. 174.

²⁴ См. об этом более подробно: Туманова А.С. Законодательство об общественных организациях России в начале XX века // Государство и право. 2003. № 8 ; Она же. Общественные организации и русская публика в начале XX века. М., 2008.

²⁵ См., например: Административное право: Лекции А.И. Елистратова. С. 162–163.

²⁶ Алексеев П. Десятилетие закона об обществах // Юридический вестник. 1916. Кн. XIV (II). С. 20.